

Елена Игоревна КУРИЦЫНА

ПЕРИОД РОМАНТИЗМА НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ РОССИИ, МОЖЕТ БЫТЬ, И ЗАКОНЧИЛСЯ, НО ПЕРИОД ОПТИМИЗМА ЗАКАНЧИВАТЬСЯ НЕ ДОЛЖЕН

Я оказалась в ФКЦБ одновременно и случайно, и закономерно. Первый раз перешагнула порог здания на Ленинском в знаменательном 1998 году ещё третьекурсницей, придя сюда отрабатывать практику. У меня была уголовно-правовая специализация и вопросы фондового рынка, казалось бы, с ней не согласовывались. Но моим преподавателем был Евгений Николаевич Мысловский, работавший и с комиссией, он и увлёк меня изучением первого опыта борьбы в России с финансовыми пирамидами.

С руководством комиссии тогда у нас не было возможности сталкиваться, даже руководитель управления нам казался небожителем. Так что с первым руководителем ФКЦБ России Дмитрием Васильевым я никогда не работала. Тем не менее показательно, что «старички» — те, кто успел с ним проработать в комиссии 2–3 года, — всегда впоследствии очень уважительно и даже немного восторженно отзывались о тех «начальных» временах работы ФКЦБ,

1995–1999 — помощник адвоката в Коллегии адвокатов «Московский юридический центр»;

1999 — юридический консультант проекта «Аудит и ревизия» Центра развития фондового рынка;

март 2000 года – декабрь 2001 года — специалист второй категории, специалист первой категории, ведущий специалист Управления контроля за проведением операций с ценными бумагами Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг (ФКЦБ России);

январь 2002 года – июль 2003 года — главный специалист, советник, заместитель начальника Управления регулирования инфраструктуры фондового рынка ФКЦБ России;

июль 2003 года – май 2004 года — начальник Управления регулирования инфраструктуры фондового рынка ФКЦБ России;

**май 2004 года –
ноябрь 2007 года –**
начальник Управления
организации и проведения
надзорных мероприятий
на рынке ценных бумаг
ФСФР России;

**ноябрь 2007 года –
август 2013 года –**
заместитель руководителя
Федеральной службы
по финансовым рынкам;

**сентябрь 2013 года –
февраль 2014 года –**
заместитель руководителя
Службы Банка России
по финансовым рынкам;

**февраль 2014 года –
январь года –**
директор Департамента
допуска на финансовый рынок
Банка России;

**февраль 2017 года –
наст. время –**
директор Департамента
корпоративных отношений
Банка России

хотя воспоминания были всякие, в том числе как на 7 человек в управлении был 1 компьютер, за которым все по очереди набирали и распечатывали свои документы.

В феврале 2000 года я вновь оказалась в ФКЦБ уже на преддипломной практике. Темой диплома, предложенной руководителем Мысловским, стал вопрос использования юридических лиц в качестве орудий преступлений. Наиболее выражено и актуально это для преступлений в сфере экономики, собственно, предметом моих исследований были печально популярные в то время финансовые пирамиды. Практика проходила в управлении контроля за проведением операций с ценными бумагами.

Первые две недели мы не могли найти себе применения, задание нам давали какие-то «неинтеллектуальные» — например, пронумеровать и заархивировать дело. А мы-то себя уже чувствовали великими юристами, готовыми войти в историю своими деяниями.

В ответ на наши просьбы подключить нас к чему-то более важному начальник управления контроля Сергей Иванович Пома сказал нам: «Организация у нас серьёзная, почти секретная, тем более наше подразделение. Доверять мы вам сможем только если вы устроитесь на постоянную работу».

В результате с 1 марта 2000 года мы с подружкой стали специалистами второй категории комиссии. С тех пор ад-

рес — Ленинский, 9 — стал родным. Первая зарплата было то ли 945, то ли 975 рублей¹.

Никаких доплат столь важным сотрудникам не было. Держал нас интерес.

Специалисты у нас долго не задерживаются. Основная мотивация поступления к нам на работу — практика после учебной скамьи, для того чтобы просто получить опыт, доучиться. Такие люди работают, как правило, 2–3 года, а потом устраиваются на более выгодную работу. Для нас конкурентом на рынке труда являются компании, работающие на финансовом рынке, они и переманивают наших специалистов. Уровень оплаты труда на рынке и здесь, в государственном учреждении, различается в десятки раз.

«Мегарегулятор — новый шаг в развитии финансового рынка» — интервью руководителя ФСФР России О.В. Вьюгина // Аналитический банковский журнал. № 9. 2005.

Время тогда было сложное. В ФКЦБ пришёл новый руководитель — Игорь Владимирович Костиков. Ему было необходимо разобраться со старым составом комиссии, уволить тех, кто не был готов работать по новым правилам, подобрать тех, кто готов был квалифицированно трудиться за небольшую зарплату. Конечно, мы на своём уровне этого тогда не видели и не понимали.

Понимание, насколько ФКЦБ было уникальной структурой на фоне старых госорганов, пришло позже. Её создавали с нуля на ещё недавно не существовавшем рынке, с которым комиссия одновременно росла. Даже специалисты второй категории видели результаты своего труда. В коллективе изначально всё строилось по принципу взаимопомощи, к проблемам старались относиться с юмором, к ошибкам — с пониманием (по крайней мере, поначалу). Теперь-то мы знаем, что это называется корпоративной культурой, а тогда даже не задумывались над этим, работали и общались с коллегами в удовольствие. Сейчас, оглядываясь назад, могу только удивляться, как много светлых, талантливых, увлечённых, порядочных людей работало в ФКЦБ/ФСФР.

Как и другим новичкам, мне сразу доверили участвовать во всевозможных проверках, рассматривать самые различные жалобы,

¹ По курсу 2000 года (28,6 руб. за \$1), это меньше 33 долларов США. — *Прим. авт.-сост.*

времени особенного на «раскачку» не было. Причём, так получилось, что вскоре я стала специализироваться на вопросах акционерного законодательства, прав акционеров, работы регистраторов и депозитариев.

Игорь Владимирович Костиков, безусловно, был профессионалом, он был заражён идеями преобразования рынка, у него было своё видение рынка, и он, как мне кажется, торопился, потому что понимал, что сделать предстоит ещё очень много, и боялся не успеть. Но как любой лидер, твёрдо видящий впереди цель и идущий к ней, не был готов тратить время на улаживание противоречий и поиски консенсуса. Несогласных сотрудников он поэтому увольнял без видимого сожаления. Паша Филимошин однажды пришёл на заседание комиссии с докладом то ли об отказе, то ли о регистрации какой-то непростой эмиссии, и решил поспорить с принимаемым решением, в результате в 2003 году он оказался на улице. После реорганизации ФКЦБ, в мае 2004 года, его вернули на работу и сделали заместителем начальника управления эмиссионных ценных бумаг уже ФСФР России. Сейчас Павел Михайлович — уважаемый на рынке авторитет, автор ряда книг и многочисленных статей по вопросам корпоративного права, эмиссии ценных бумаг, раскрытия информации на рынке ценных бумаг.

Костиков много делал для организации инфраструктуры, в первую очередь биржевой. Он поставил задачу преобразовать существующие биржи из некоммерческих организаций в акционерные общества. Тогда это был мировой тренд, считалось, что таким образом можно устранить много коммерческих противоречий участников. Преобразования добились своего, но породили новые конфликты. Игорь Владимирович, так же, видимо, считал, что биржи в прежнем виде не выполняли и задач саморегулирования (что было бы для них естественным).

Не могу не сказать, что Игорь Владимирович был прародителем корпоративного управления в России, именно на основе его идей и под его руководством был написан в 2002 году Кодекс корпоративного поведения. Безусловно, к тому времени тема корпоративного управления стала довольно известным трендом на развитых рынках, однако наш Кодекс 2002 года был уникальным. Костиков понимал, что для России, где ещё и 10 лет не прошло с момента появления акционерных обществ, нужен документ не столько регулятивного, сколько просветительского и разъясняющего характера. И тот Ко-

декс этой задаче вполне отвечал и стал действительно важным инструментом развития для многих российских компаний.

Финансовые консультанты тоже были правильной идеей, во всём мире существует практика работы компаний, консультирующих эмитентов для выхода на публичный рынок и несущих определённые обязательства и перед эмитентом, и перед инвестором, и перед регулятором. К сожалению, не совсем удачно была выбрана бизнес-модель реализации этой идеи, не до конца проработаны правовые механизмы, и рынок к этому новшеству отнёсся негативно.

Из архива НАУФОР. Фото Павла Перова

Костиков же начал и успешную в конечном итоге борьбу с вексельным рынком, стремился создать условия для того, чтобы компании замещали вексельные заимствования на выпуск облигаций. Это регулируемый рынок, более прозрачный, с понятными правилами. В итоге эта позиция доказала свою состоятельность.

Своей нетерпеливостью и неготовностью к компромиссам Игорь Владимирович сконцентрировал на себе множество обид и в дальнейшем многие его действия рынком принимались в штыки. Однако он заложил множество идей, которые позже дали всходы: поднял вопросы по борьбе с инсайдом, сделал много для достижения централизации расчётов.

Коллегиальность принятия решений комиссией при Костикове соблюдалась всегда, минимум 2 раза в неделю собирались все члены комиссии для решения накопившихся вопросов. Понятно, что решения эти были подготовлены в профильных подразделениях, но это общемировая практика работы коллегиальных органов.

Также, как минимум, на формальном уровне сохранился и институт обязательных консультаций с профессиональным сообществом через Экспертный совет. Этот Экспертный совет избирался, кажется, раз в 2 года на Всероссийской конференции профессиональных участников, и имел право отложить принятие ФКЦБ какого-либо нормативного акта. Во всяком случае, в 2003 году этот механизм был ещё абсолютно рабочим — до сих пор помню, как заветировали положение о взаимодействии регистраторов и депозитариев, разработанное моим управлением.

А вот у саморегулируемых организаций (СРО) полномочия сокращались. Изменение претерпела и система лицензирования, и система контроля. Во-первых, из процесса лицензирования исключили СРО. С другой стороны, снизили участие теруправлений. При Васильеве на первом этапе заявка на получение лицензии изучалась в регионе, только после этого отправлялась в Москву. В начале 2000-х годов процесс был централизован.

В 2002 году после долгожданного принятия закона «Об инвестиционных фондах» получила новое дыхание отрасль коллективных инвестиций. Тогда был преобразован институт спецдепозитариев. Они обросли новым функционалом. Тогда на них обратил пристальное внимание и регулятор. И мне, к тому моменту ведущему специалисту, конечно, с коллегами, дали задание проверить все эти спецдепозитарии в течение 2 месяцев. А ведь ещё не было даже кри-

териев такой проверки. Не совсем для нас была ясна и цель этого мероприятия: то ли посмотреть, как они работают и распространить опыт успешных (но тогда по какому показателю?), то ли почистить ряды (тогда сколько оставить для продолжения успешной работы направления?). А их тогда было уже в районе 30, так же, как и сейчас. Задание было выполнено, мы стали самыми большими в ФКЦБ специалистами в этой области и почти все коллеги, работавшие тогда, как бы сейчас сказали «на этом проекте», ушли в те или иные спецдепы.

Не могу не вспомнить Павла Анатольевича Иванова, много сделавшего и для развития инфраструктуры, и для построения работы внутри коллектива. Он как раз и курировал моё направление.

Актуальной темой того времени была защита миноритарных акционеров. Чего только тогда не делали, с чем только не приходилось сталкиваться и в жалобах, и на проверках! Массовые списания акций в реестрах. Грубо (с применением физической силы) или изощрённо (с применением различных юридических техник) не допускали ак-

Из архива НАУФОР. Фото Максима Симона

П. Иванов, Л. Фрумкин, Е. Курицына, В. Стрельцов

ционеров на собрания. Двойные реестры. Двойные советы директоров. Двойные генеральные директора...

Одной из наиболее распространённых схем «избавления» от ненужных миноритарных акционеров в начале 2000-х была консолидация акций, в результате которой акции всех миноров становились дробными и выкупались основным акционером по им же установленной цене (конечно, определённой независимым оценщиком). Когда процесс принял лавинообразный характер пришлось разрешить существование дробных акций и потом с ними мучиться. До сих пор решается вопрос, как снять с эмитентов, инвесторов, биржи, головную боль под названием «дробные акции» (а ведь есть и номиналы типа 2356204723838/4284571014727465917465) и не открыть вновь лазейку.

В конце 2003 года началась подготовка административной реформы, но проходила она очень тайно. Но даже если бы обсуждения и шли открыто, думаю, у нас не было бы возможности обращать внимание на политические изменения, весь 2003 год мы днём и ночью занимались подготовкой так называемой синей книги — «Эффективный рынок капитала. Экономический либерализм и государственное регулирование». Огромное издание в 2 томах, свыше 1000 страниц. Идеологом её также был Игорь Владимирович. Концепция её менялась раз восемь. Непрерывно шёл поиск формы и содержания, метание от учебника до научной монографии. Я как начальник управления регулирования инфраструктуры фондового рынка отвечала в рабочей группе за девятую главу «Защита прав собственности. Регулирование учётной системы фондового рынка». Завершили работу над книгой мы в декабре 2003 года, но свет она увидела уже в апреле 2004-го, после упразднения ФКЦБ.

9 марта 2004 года вместе со всеми глобальными преобразованиями в государственной машине появилась Федеральная служба по финансовым рынкам (ФСФР).

Олег Вячеславович Вьюгин, как говорили тогда, совсем не хотел идти работать в ФСФР. Наступил период какого-то непонятного безвременья. Костиков появляться у нас перестал. Вьюгин, периодически приезжая в здание на Ленинском, с нами — руководителями среднего уровня ФКЦБ — тогда не общался.

Понимая, однако, что жизнь не останавливается и совсем скоро новой службе понадобятся новые юридические документы, мы с Татьяной Михайловной Медведевой и Алексеем Викторович Тимофеевым

сели за написание основного документа новой службы — положения, в котором, собственно, надо было закрепить все функции, полномочия и так далее.

Начальником управления организации и проведения надзорных мероприятий на рынке ценных бумаг, несмотря на довольно молодой возраст, назначена Елена Курицына (ей всего 26 лет). <...> По словам Олега Вьюгина, выбор пал на Елену Курицыну, так как все участники рынка очень уважительно отзывались о её работе и знаниях.

Ефимчук Илья. Кадровые мутации в ФСФР // Финанс. 28.06.2004.

Моим новым руководителем стал Владислав Юрьевич Стрельцов. Фактически он был первым замом (по штату такой должности не было) Вьюгина. Человек с очень сильным стержнем, готовый принимать ответственность за когда-то резкие или непопулярные решения, нужен был Олегу Вячеславовичу, серьёзному учёному, склонному к философскому анализу проблем, любящему всё предварительно взвесить со всех сторон, не желающему идти на конфликты.

Очень хорошо помню забавную (если смотреть в ретроспективе), ситуацию. Я в отпуске, лежу на пляже, звонит мобильный телефон. Олег Вячеславович спрашивает: «Лена, говорить можете?» Что на это ответить начальнику? Могу! Оказалось, на заседании комиссии рассматривался конфликт на одном из крупных региональных предприятий. Там было даже не задвоение реестра, а затроение. Соответственно и с органами управления была такая же картина. Три группы акционеров создали устраивающие их списки владельцев акций. И я понимаю, что сейчас сидят у Вьюгина все замы и начальники управлений и принимают судьбоносное для бизнесменов решение. Телефонный разговор наш длился полтора часа, я убеждала коллег, что внесённый одной из группировок проспект эмиссии утверждать нельзя. Решение собрания, которое кто-то провёл, будет обжаловано в судах их конкурентами. Меня спрашивали, по каким основаниям можно отказать, было ясно, что список акционеров, якобы принявших решение о допэмиссии, «левый» и его нельзя было признавать надлежащим. Мои коллеги колебались, управление эмиссии настаивало на регистрации, видимо, было и какое-то давление, звонки. Тем не менее тогда правильное решение приняли.

Интересно, что уже в 2004 году ФСФР сделала первый шаг на пути к мегарегулятору — в результате реформы к ФСФР перешли новые функции регулирования и надзора за негосударственными пенсионными фондами и товарными биржами. Очень сложный период «притирки» разных надзорных подходов, разных принципов регулирования, разных корпоративных культур. Потом такой же опыт ждал ФСФР в 2011 году после присоединения страхового надзора.

Надо сказать, что очень много самых первых изменений в регулировании ФСФР было сделано «по горячим следам» жалоб и советов с рынка. Новое руководство отменило обязательную подпись финансовых консультантов на документах по проспектам эмиссии. Были произведены нововведения в аттестации специалистов для работы в профучастниках. Они проводились в территориальных управлениях ФКЦБ и обвинений в коррупции нам только ленивый не предъявлял. При Вьюгине принимать экзамены стали аккредитованные обучающие компании на аутсорсинге, в том числе СРО, они же продолжили заниматься обучением и подготовкой специалистов к экзаменам.

Саморегулируемым организациям передали частично лицензирование и сбор отчётности. За это нам даже досталось, Генпрокуратура, проверяя нас, высказала замечание за делегирование госфункции. Пришлось в тот момент опять все частично переданные полномочия у СРО забрать.

Через несколько лет было принято решение проводить все наши проверки компаний — членов СРО — вместе с их представителями — НАУФОРа, ПАРТАДа, НФА. Конечно, для нас это было сложнее, но компаниям давало дополнительную уверенность, что у них в этом процессе есть «адвокат». Не могу сказать, что мы всегда находили консенсус, но эта система успешно работала до передачи функций Банку России. Это очень удивило наших коллег из Банка России, когда в 2013 году создавался единый мегарегулятор.

С рынком взаимоотношения и взаимопонимание в то время было прекрасное. И Стрельцов, и Вьюгин к моменту прихода в ФСФР были более чем успешными и уважаемыми людьми на финансовом рынке, говорили с бывшими коллегами на одном языке, понимали бизнес. И рынок, зная это, с большим доверием отнёсся к руководству ФСФР. Но главное, конечно, им повезло со временем. Оно было замечательное — цена на нефть быстро росла, новые эмитенты выходили

на рынок, много иностранных денег... Про кризис ещё никто даже не задумывался.

ФСФР юридически было учреждением, на котором решения принимались не коллегиально, за всё там отвечал руководитель, однако Олег Вячеславович сохранил практику коллективных обсуждений вопросов. У него была идея вывести службу из системы госорганов и сделать её самостоятельной, живущей за счёт рынка. Условно говоря, создать совершенно новый, незнакомый нашей правовой системе орган, который бы и финансировался не из бюджета, а за счёт взносов участников рынка (такие модели существовали в то время в некоторых странах и продолжают существовать). Идея в России, увы, непреходимая. В результате на заседаниях обсуждались проблемы,

Из архива НАУФОР. Фото Максима Симона

документы, даже голосовали иногда, но решение, порой иное, принимал руководитель, подписывая бумаги.

Особенно продуктивной работа была сразу после создания ФСФРа в 2004 году. В то время в МИНЭКе за развитие финансовых рынков отвечала Анна Попова, в Минфине — Алексей Саватюгин, а в Банке России — Сергей Швецов. С нашей стороны законодательную работу организовывал инфраструктурщик Владислав Стрельцов. Тогда мы начали готовить законы о центральном депозитарии, об организованных торгах, об инсайте (принятый уже при Миловидове).

В процессе работы над документами выкристаллизовалась идея, что нужен единый расчётный центр. ДКК и НДЦ ранее создали мост, но по нему ходили только бумаги, а не деньги.

В 2005 году ФСФР покинул начальник управления эмиссии, ушёл сопровождаемый различными слухами, с участниками рынка он не смог найти общего языка. Вьюгин предложил занять его место мне. А направление это считалось самым коррупционным. Я не очень позитивно отнеслась к этому предложению, попросила Олега Вячеславовича сохранить мою репутацию и предложила рассмотреть кандидатуру более опытного коллеги. Он меня понял и настаивать не стал.

Весной 2007 года нас вновь ждала смена руководства — Олег Вячеславович ушёл в бизнес, а ему на смену из Аппарата Правительства пришёл Владимир Дмитриевич Миловидов. Как мне кажется, Олег Вячеславович ушёл из ФСФР без сожаления, но он до сих пор остаётся на финансовом рынке, является признанным авторитетом. Владимир Дмитриевич — совершенно иного склада человек. Тоже большой учёный, один из первых экспертов в России в области коллективного инвестирования, он очень долгое время проработал в «коридорах власти», стал очень авторитетным и опытным чиновником, как было принято говорить, «аппаратчиком». Стоит сказать, что благодаря как раз мастерству и опыту Владимира Дмитриевича удалось завершить практически все законы, задуманные и начатые его предшественниками.

В конце лета 2007 года я договорилась с Миловидовым, что как только закончу начатые проекты, то с чистой совестью пойду зарабатывать деньги. Предложения с рынка у меня были. И тут Владимир Дмитриевич делает мне предложение, от которого я не могла отказаться — стать его заместителем и курировать работу сразу по двум

направлениям — надзор и эмиссия. Так то, от чего я долго пыталась дистанцироваться — эмиссия — всё-таки пришло ко мне. Оказалось, не так страшен чёрт, как его малюют, дело в организации работы и подборе правильных людей.

С конца 2007 года большое внимание мы стали уделять созданию закона об квалифицированном инвесторе. Мы исходили из того, что он даст возможность таким лицам больше рисковать, то есть вкладывать свои средства в более широкий набор эмитентов и получать, соответственно, большие доходы. Если размещать облигации только среди таких квалифицированных инвесторов, это заведомо снижает издержки. А другим участникам необходимо объяснять, что для инвестирования средств в ценные бумаги нужно не только иметь общее представление о том, как работает финансовый рынок, но и долго, серьёзно этому учиться.

Была поставлена задача работать над созданием системы пруденциального надзора по аналогии с создаваемой тогда системой надзора за кредитными организациями. С наращиванием объёма финансового рынка, с приростом количества клиентов у профучастников, с постоянным ростом отрасли коллективных инвестиций становилось понятным, что возможный кризис одного профучастника может спровоцировать цепную реакцию на рынке. Такой надзор позволит минимизировать риски возможного системного кризиса именно за счёт фиксации проблем ещё на ранней стадии возникновения, а также локализации этих проблем в рамках деятельности одного профучастника. Но он должен фиксировать выполнение профучастником очень большой совокупности различных нормативов. Отчётность, которая представляется профучастниками, безусловно, нами анализируется. Но те сведения, которые в ней содержатся, не всегда информативны именно с точки зрения оценки потенциального и текущего риска компании и её клиентов.

У нас в те времена был фактически только норматив достаточности собственных средств, который с количественной стороны выглядел вроде бы убедительно, но, когда начинал анализировать, в красивые цифры попадало всё, что угодно: и программное обеспечение, и недостроенные здания, и просроченные дебиторки, и прочая шелуха. Мы последовательно пытались привести в порядок этот показатель, чтобы считались живые деньги или качественные бумаги, но рынок был всегда впереди нас. Когда мы закрывали одну форточку, коллеги открывали ещё несколько. И решить проблему можно только

перейдя к надзору не по правилам, а по принципу. Это простейшее решение спасёт от игры в догонялки с наиболее изворотливыми поднадзорными.

Период романтизма на финансовом рынке России, может быть, и закончился, но период оптимизма заканчиваться не должен: место страны в мировой финансовой системе должно быть более чем достойным, считает Е. Курицына.

Власти страны предпринимают усилия для развития фондового рынка // Альянс Медиа.
21.11.2007.

Слова эти были сказаны мной явно до середины 2008 года. Сложные осенние месяцы 2008 года помню очень хорошо. Для всей команды ФСФР, как и для всего рынка, это было непростое испытание, ведь у нас в стране до этого был только опыт 1998 года, а это совсем разные истории. Вспоминаю ночные совещания с участниками рынка, когда решалось, какие действия надо предпринять, чтобы не дать ситуации уйти совсем уж в неуправляемый занос. Запретили тогда короткие продажи акций всем участникам торгов, несколько раз останавливали торги на бирже, в ручном режиме решались вопросы, кто на кого закрывает или открывает лимиты, кто какую бумагу берёт с каким дисконтом... Все решения принимались с колёс, но был постоянный контакт с рынком и ЦБ, всегда советовались, останавливать торги или нет, запрещать операции или нет.

В целом, если не считать тех экстремальных ситуаций, при Миловидове взаимодействия службы с рынком вновь стало меньше, большой Общественный совет, созданный теперь уже не из-за понимания его ценности и нужности, а по требованию законодательства, оказался, по сути, недееспособным. В него вошли великие люди, представляющие абсолютно разные направления и секторы рынка, им даже поговорить друг с другом было не о чем.

Во время подготовки закона об инсайте стало понятно, что ни одного дела о нарушениях не удастся довести до суда, если мы не получим доступ к переписке в электронной почте и так далее. Досталась нам по наследству ещё от старых времён специальная программа PROTEUS для фиксации случаев использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. Мы ею пользовались, но она была рассчитана не на наш рынок. Ориентируясь на рынок условно

говоря 100 млрд евро, она даёт адекватный результат, а на нашем мизерном рынке она выявляла как подозрительную каждую вторую сделку. Может быть, так оно и было, но мы угнаться за таким количеством нарушений не могли!

ФСФР довольно часто проводила расследования, связанные с манипулированием ценами на акции. Однако доказать факт нарушения закона долго не удавалось. Иногда, проведя расследование, мы понимали, что манипулирование имело место, но у нас не было законодательной базы для того, чтобы это доказать.

Впервые в истории регулирования фондового рынка признать факт манипулирования ценами акций удалось 22 ноября 2007 года.

Из архива НАУФОР. Фото Павла Петрова

Н. Борщевская, Е. Курицына

Нарушителем оказалась кипрская компания Palmaris Holding Limited. Компания совершала так называемые кросс-сделки с привилегированными акциями ОАО «Российская инновационная топливно-энергетическая компания» (РИТЭК), выступая в сделке одновременно и как продавец, и как покупатель. Такие действия Закон «О рынке ценных бумаг» классифицирует как манипулирование ценой акций. Если бы это был профучастник российского фондового рынка, к нему по законодательству мы могли бы применить меры вплоть до аннулирования лицензии, но в том случае ФСФР направило предписание брокерской компании «Норд-Капитал», через которую действовал кипрский клиент, о приостановлении исполнения поручений «Палмарис» на совершение сделок с российскими ценными бумагами.

Второй раз за историю российского фондового рынка факт манипулирования ценой на бирже был зарегистрирован в следующем году. Попалась компания «Ричброкерсервис». По результатам проведённой службой проверки было установлено, что пять членов руководства группы компаний «Ричброкерсервис» манипулировали акциями своей компании. Это первый подобный случай с физлицами. В результате у компании ФСФР аннулировали брокерскую, дилерскую лицензии и лицензию на управление активами у ЗАО «Ричброкерсервис». По итогам выездной проверки компании, которая продолжалась с конца апреля по середину июня 2008 года, мы увидели, что РБС предоставляла нам недостоверную информацию в отчётности на протяжении всего срока существования компании.

ФСФР наделила себя правом приходить без приглашения на любое собрание акционеров. Визит регулятора способен предотвратить корпоративные конфликты, считают эксперты. Но ФСФР не стремится быть частым гостем на таких встречах.

Согласно приказу ФСФР о проверках организаций (от 13 ноября 2007 года), с марта 2008 года представители службы могут появляться в качестве наблюдателей на собраниях акционеров компаний. Раньше такие проверки назначались только в случае поступления в ФСФР жалоб или другой информации о возможном нарушении прав и интересов инвесторов. Уведомлять компании о грядущих проверках акционерных собраний ФСФР не будет. Вмешиваться в ход собрания — тоже. При этом представители службы могут запрашивать копии документов,

касающиеся созыва, подготовки и проведения собрания. Если были нарушения, ФСФР будет направлять предписания об их устранении. — *Прим. авт.-сост.*

Саморегулирование

В связи с тем, что наша модель регулирования строилась по американской модели, большую роль в нём играло саморегулирование. И у наших СРО были очень большие полномочия в лоббировании интересов, причём формализованные.